

В другой комнате Сюй Синжань яростно боролся. Его зубы скрипели, издавая хруст, а его изначально сдержанное и спокойное выражение лица покраснело от напряжения.

«Ты зашел слишком далеко...»

В голосе «К» прозвучали злобные нотки: «Только когда ты зайдешь слишком далеко, ты высвободишь свою истинную природу».

Сдерживающие ремни были разработаны так, чтобы не травмировать запястья и суставы, его прочность прошла бесчисленные испытания. Независимо от того, насколько сильным и качественным был альфа, они могли надежно зафиксировать человека на месте.

«Фу»

Сюй Синжань приложил все свои силы, и даже кровеносные сосуды на его шее лопнули.

Датчик феромонов в комнате показал концентрацию, которая мгновенно превысила концентрацию обычного альфы в десять-двадцать раз.

«Кажется... он тебе действительно очень нравится...»

Наблюдая за этой сценой, голос «К» звучал протяжно. Казалось, он был озадачен настойчивостью Сюй Синжаня по отношению к Ань Ланю и не мог понять, почему Сюй Синжань не позволил Ань Ланю стать омегой.

Сюй Синжань все еще боролся, когда вошел человек в маске и начал брать у него кровь.

Чрезмерная потеря крови ослабила Сюй Синжаня. Пряди волос прилипли к его потному лбу, и когда он поднял голову, он холодно посмотрел на человека, бегущего у него кровь.

Распространилась внушительная аура, неожиданно сильная для столь молодого альфы. Две бета-особи, пускающие кровь, были подавлены его взглядом и не могли поднять головы.

На узкой односпальной кровати Сяо Чэнь крепко сжал запястья Ань Ланя, прижимая их к подушке.

Его взгляд постепенно терял фокусировку, словно он горячо искал что-то в пустоте.

«Сяо Чэнь... Если ты сейчас же меня не отпустишь, мы не будем даже одноклассниками». Сейчас не время для милосердия. Ань Лань безжалостно ударил коленом в живот Сяо Чэня, но крепкое телосложение молодого альфы выдержало удар, не показав никаких признаков

движения.

Выражение, которое обычно состояло из трех частей насмешки и семи частей безразличия, теперь было наполнено ужасающим желанием.

Сяо Чэнь медленно опустился и коснулся носом брови Ань Ланя.

Словно прощупывая, он медленно двинулся от брови вниз по лицу, достигая подбородка, и, казалось, мягко надавливал вверх, не оставляя места для отказа.

Он был подобен зверю, долгое время подавлявшему желание охотиться. Как только наступало движение, он вырывался наружу и разрывал все на части.

Ань Лань отвернулся. Он намеревался сосредоточиться и выпустить феромоны, чтобы предупредить Сяо Чэня.

Но неожиданно Сяо Чэнь умоляющим тоном сказал: «Не уходи... Не бойся меня... Ты мне нужен».

Ань Лань замер и только тогда понял, что Сяо Чэнь, держась за руки, дрожит. Его плотно закрытые глаза и даже стиснутые зубы сопротивлялись его инстинктам.

Сяо Чэнь, словно дикий зверь, долго блуждавший, медленно сдавался от изнеможения, лёжа на Ань Лане. Он крепко обнял Ань Ланя.

Его руки напрягались так сильно, что Ань Лань почти не мог дышать из-за стеснения.

Но Ань Лань слышал его интенсивное сердцебиение. Его поток крови становился все быстрее и быстрее, а испускаемые феромоны были подобны толстому кокону, окутывающему Ань Ланя.

Ань Лань сосредоточил свой разум, вспоминая тот день, когда Гу Лиюй научил его, как подавлять феромоны Сяо Наня.

Он должен был сопротивляться, сдаться любому врагу было бы приемлемо, но этим человеком не должен был быть Сяо Чэнь.

Он заставил себя сосредоточиться, выстраивая в уме несуществующую цель. Как раз в тот момент, когда он собирался выпустить свои феромоны со всей своей силой, Сяо Чэнь полностью свернулся, зарывшись головой в шею Ань Лана.

Ань Лань услышал серию сильных вдохов; это Сяо Чэнь учуял его феромоны.

Это был удовлетворенный звук. Затем рука Сяо Чэня переместилась, чтобы схватить голову Ань Ланя, пальцы скользнули в пряди волос на затылке, нежно потянув, осторожно, чтобы не причинить боль. Его теплое дыхание прилипло к пульсирующей артерии на шее Ань Ланя, многократно вдыхая.

«Извини...» — раздался хриплый голос Сяо Чэня.

Ань Лань медленно поднял руку и похлопал его по спине.

«Я не хочу прикасаться к тебе... Я не хочу так с тобой обращаться... Но я ничего не могу с собой поделать...»

Ань Лань коснулся потного затылка Сяо Чэня. «Ты сможешь. Я верю в тебя».

Ань Лань больше не избегал его, а слегка коснулся щекой лба Сяо Чэня.

«Ты не представляешь, сколько ужасных мыслей у меня в голове... Я хочу разорвать тебя на части... уничтожить тебя... и еще хочу обладать тобой...»

Ань Лань замолчал; он, конечно же, понял, что Сяо Чэнь имел в виду под «обладанием».

«Они накачали тебя наркотиками, чтобы ты вошёл в восприимчивый период. Тебя просто контролируют твои инстинкты». Ань Лань смягчил тон, утешая Сяо Чэня, насколько это было возможно. В этот момент Ань Лань больше беспокоился о Сяо Чэне, чем о себе. Он не знал, какой наркотик использовала другая сторона и как долго продлится его действие. Какой метод понадобится Сяо Чэню, чтобы по-настоящему успокоиться?

Неужели им действительно нужно ставить друг другу отметки?

«Если бы я мог поддаться такому инстинкту...»

Сяо Чэнь отпустил Ань Ланя, повернулся на другой бок и свернулся калачиком.

Ань Лань видел, как дрожат его плечи, и даже слышал хруст его костей.

«Держись от меня подальше!» — холодно сказал Сяо Чэнь.

Обычно доминирующий Сяо Чэнь теперь напоминал раненого дикого зверя, отчаянно пытающегося протиснуться в невидимую расщелину.

В воздухе чувствовался слабый запах крови; Сяо Чэнь укусил себя за руку, пытаясь с помощью

боли проснуться.

Но в этом месте не было никаких секретов, никаких щелей, которые можно было бы спрятать. Этот псих мог есть чипсы и пить колу, наблюдая за ними.

Внезапно Ань Лань вспомнил, что когда Сяо Чэнь потерял сознание из-за чрезмерного использования подавляющих средств, он проснулся, слушая песню Су Суннин.

«Я не знаю, что еще может тебе помочь. Даже если я закрою дверь, он просто будет бороться в другом месте».

Повернувшись в сторону, Ань Лань обняла Сяо Чэня сзади.

В тот момент, когда Ань Лань сжал объятия, Сяо Чэнь задрожал, словно его ударило током.

«...Потеряйся!»

Он попытался яростно ударить Ань Ланя рукой назад, но в момент удара он обмяк и потерял силу.

«Ты думаешь... вхождение в восприимчивый период для альфы — это детская забава? Не переоценивай мое терпение... Не переоценивай свои собственные силы...»

«У меня нет сил, кроме как сопровождать тебя».

Ань Лань закрыл глаза Сяо Чэня рукой, и теплая ладонь заставила Сяо Чэня полностью замереть, словно что-то глубоко в его душе было захвачено.

«Не думай о том, кто этот человек рядом с тобой, не думай о том, где это... не думай, что твое тело горячее или в твоём сердце горит огонь. Просто слушай мой голос».

Сяо Чэнь выдавил из себя горькую улыбку.

«Твой голос... яд».

Утоление жажды с помощью яда - самое опасное.

«В этом городе миллионы огней, ярче звезд на небе. Он течет, ждет кого-то, еще не ощутив телепатии, еще не поняв твоего цвета. Этот город... тускнеет, этот город... увядает...»

Голос Ань Ланя был тихим, и поначалу Сяо Чэнь не осмелился его слушать.

Однако постепенно Сяо Чэнь вдруг понял. Ань Лань пел последнюю работу Су Суннин «Безмолвный город».

«Ты такой яркий, так хорошо умеешь быть собой. Молодой я смотрю на тебя, как на теплый сон... Время прошло, я больше тебя не видел. Ты существуешь в другой жизни, и я смотрю на тебя издалека... Этот тихий город... наконец-то стал пожелтевшей старой поэмой...»

Сяо Чэнь задрожал ещё сильнее, его горло перехватило, и он начал рыдать.

Он привык быть сильным. Даже когда он вернулся домой в тот день, увидел свою мать с нежным макияжем, в самом красивом платье, лежащую на кровати, словно спящую, его сердце было пронзено, но он не мог пролить слезы, потому что его младшая сестра скоро вернется.

Когда приехали полиция и машины скорой помощи, он увез Сяо Ле далеко-далеко на своем велосипеде.

С тех пор его никто не утешал, никто не защищал. Ему пришлось выпрямить спину, поднять гордую голову. Он не боялся падения короны, потому что у него ее никогда не было; он просто боялся пролить слезы, увиденные сестрой, увиденные противником.

Когда вся доброта не могла определить свою цель, когда все улыбающиеся лица имели скрытые мотивы, Сяо Чэнь впервые почувствовал самую прекрасную вещь: телефон с чехлом в виде счастливого кота.

На этом телефоне сохранилась последняя песня его матери.

И очень-очень слабый запах листьев бамбука.

Сяо Чэнь знал, что это был запах другого альфы, потому что он был полон упорства. Он казался нежным, но отказывался идти на компромисс. Сяо Чэнь слушал песню своей матери, касаясь носом экрана телефона, как будто он нашел другого себя в этом мире.

Ань Лань все еще пел эту песню.

Пение Су Суннин было полно сожаления, в то время как голос Ань Ланя был спокойным и смиренным.

Сяо Чэнь повернулся, взял Ань Ланя за запястье и, заведя его за спину, словно ребенок, устроился в объятиях Ань Ланя.

Глаза Ань Ланя тоже покраснели, и он осторожно положил подбородок на голову Сяо Чэня.

«Спасибо. Я знаю, что ты сделал это, чтобы спасти меня...»

«Не останавливайся, ты прекрасно поешь. Если ты меня не утетишь... я могу сделать что-то плохое».

Голос Сяо Чэня был хриплым, как пустыня, выжженная палящим солнцем, но в нем слышался оттенок обиженной детскости.

Ань Лань обнимал его, нежно похлопывал по спине и напевал эту песню.

Но в этот момент дверь внезапно открылась.

Вошли двое людей в белых халатах и масках.

«Чего ты хочешь?» Ань Лань собирался сесть, но почувствовал волну головокружения.

Казалось, что вентиляция в этой комнате снова выпустила седативное средство. Ань Лань наблюдал, как они уводили Сяо Чэня.

«Не трогай его... Что тебе надо!»

В комнате раздался голос: «Хороший ребенок, поспи немного».

У Ань Ланя потемнело в глазах, и он рухнул.

В другой комнате Сюй Синжань наблюдал эту сцену. Напряжение в его мышцах спало, но он все еще хмурился, глядя на экран.

«Видишь, я так хорошо к тебе отношусь. Я никому не позволял трогать твоего маленького любовника», — раздался голос «К».

Сюй Синжань презрительно усмехнулся: «Ты используешь Сяо Чэня, чтобы стимулировать мои защитные и собственнические инстинкты по отношению к Ань Ланю».

«Да, таким образом, концентрация аплюса в ваших феромонах будет достаточно высокой».

«А как же Сяо Чэнь? Что ты хочешь с ним сделать?»

«Мы не упустили бы возможность получить высококачественного альфу. Конечно, нам нужно собрать как можно больше образцов».

Потеря крови вызвала у Сюй Синжаня головокружение.

Насмешливым тоном «К» сказал: «Покойся с миром, мой «партнер».

Рот Сюй Синжаня слегка дернулся. Он равнодушно сказал: «Тебе не нужны никакие партнеры».

«Не думай так. Как ты и сказал раньше, аплюс высококачественного альфы — это не то, что ты можешь получить, просто желая этого. Ты должен быть готов отдать его».

«Вам просто нравится контролировать высших альф».

Сюй Синжань медленно закрыл глаза; ему нужно было время, чтобы прийти в себя.

«Я искренне готов сотрудничать с тобой. Студент Сюй, когда ты проснешься, я дам тебе лучшую омегу в мире».

Полиция активно искала Ань Ланя, и давление на них возросло. Пропал не только Ань Лань, но и Сюй Синжань, и Сяо Чэнь.

Семьи Сюй и Сяо оказывали давление на полицию. Дело было связано с Яблоком Евы, и в нем участвовали все полицейские силы в юрисдикции. На USB-накопителе, который Сюй Синжань оставил в VIP-комнате бара, они обнаружили большое количество семей альфа, связанных с Эдемом с помощью кастомизации.

В их число входила и Хань Ли.

Посланник Хань Ли, дядя Хэ, также находился под следствием полиции.

Чем больше они копали, тем страшнее становилось. Персонализированный сервис «Эдема» давно был тайно распространен среди альф.

Как только эти альфы положили глаз на бету, они платили большой «депозит» «Эдему». Этот «депозит» мог быть не наличными, а обменом интересами. Это могла быть просьба к могущественному альфе устроить кого-то из «Эдема» на определенную должность или подробная информация о важном человеке.

Сюда входили и дела семьи Сяо.

Когда отец Сяо Юня и Сяо Чэня, Сяо Хунвэнь, сидел в комнате для допросов, слушая признание дяди Хэ, он был не только потрясен, но и даже запаниковал.

Он был шокирован тем, что его жена все это время строила планы заполучить сердце его другого сына. Он был в панике от того, что его доверенное лицо было под контролем другой организации, постоянно раскрывающей секреты семьи Сяо.

Неприятным было то, что «Эдем» знал о семье Сяо гораздо больше, чем Сяо Хунвэнь.

Сяо Хунвэнь закрыл глаза, дрожа, и спросил: «Может ли мой сын... вернуться?»

Капитан инстинктивно спросил: «Какой сын?»

«Сяо Чэнь».

«... Мы сделаем все возможное, чтобы найти его».

В это время в коридоре отделения полиции мимо окна прошел мужчина средних лет в серо-голубом костюме и с распущенными волосами.

Он носил очки без оправы, с красивыми и умными чертами лица. Лунный свет падал на его щеки, словно нанося слой холодной глазури.

В этот момент Гу Лиюй прошел мимо него сзади.

Мужчина спросил: «Что ты задумал?»

Гу Лиюй остановился, посмотрел на мужчину и равнодушно ответил: «Если я скажу это вслух, ты будешь об этом знать».

Выражение лица мужчины было холодным; он повернулся и посмотрел на подростка перед собой.

По сравнению с его неуловимым жизненным опытом этот подросток был слишком зеленым и слишком нежным.

Даже если на лице мужчины не было выражения, он все равно видел, что подросток обеспокоен и нервничает.

Однако даже в этом случае мужчина не мог разглядеть подростка насквозь.

Он был подобен глубокому морю во тьме, смутно колышущемуся, неспособному измерить ни высоту волн цвета чернил, ни глубину.

«Синжань никогда не бросал мне вызов. Я говорил ему не слишком вовлекаться в «Эдем». Но он отправился прямо в их логово. Неужели этот мальчик Ань Лань действительно так важен?»

«Когда-нибудь он будет контролировать все, что контролируете вы. Если он хочет превзойти вас, он начнет с того, что «бросит вызов» вам», — ответил Гу Лиюй.

Мужчина прищурился; он хотел сказать: «Ты слишком высокомерен», но в глубине души он надеялся, что его сын действительно сможет начать с того, чтобы «бросить ему вызов», вырваться из созданных им рамок и создать другой мир.

«Семейный девиз семьи Гу — «Всегда готов». Лиюй, ты действительно готов?» — спросил Сюй Чжуншуан.

«Все знают только первую половину; вторая половина — «Рискуй вечно»».

Выражение лица Гу Лиюя оставалось холодным, холодная резкость, как у недостижимой заснеженной горы. Он ясно знал свою цель и не остановится, пока не достигнет ее.

Даже если ценой станет таяние льда и снега, пребывание на солнце, потеря всего, он не поколеблется ни на йоту.

Сюй Чжуншуан был полон страха перед «Эдемом», но в глазах Гу Лиюя он не видел этой эмоции.

Это был взгляд охотника, спокойный, но выдающий жажду крови. Возможно, пока взрослые еще не осознавали опасности вокруг себя, эти дети уже выпустили свои клыки, яростно вонзая их в тело колоссальной добычи.

Гу Лиюй ушел, оставив Сюй Чжуншуана погруженным в размышления об этих словах.

«Ты... совсем с ума сошёл...»

Однако Сюй Чжуншуан должен был признать, что шип под названием «Эдем» должен быть выдернут, даже если кость может раздробиться, даже если кровь потечет рекой, даже если ценой будет его собственный сын. Если его не удалить, то вторгшаяся семья Сюй неизбежно станет игрушкой для «Эдема».

Сюй Чжуншуан все еще помнил информацию, которую ему раскрыла полиция, каждый разговор с Сюй Синжанем, то, как он наставлял своего сына, даже такие детали, как их

завтрак, были переданы в «Эдем».

Даже несколько двоюродных братьев Сюй Чжуншуана были клиентами «Эдема».

Когда Гу Лиюй вышел из полицейского участка, его телефон задрожал. Это было сообщение от заместителя капитана: «Ваша догадка верна».

<http://bllate.org/book/14559/1289832>